

Тесны врата и узок путь ведут

СОБЫТИЕ

21 июля премьер-министр России Владимир Путин подписал распоряжение Правительства Российской Федерации № 1045-р. Согласно этому документу, государство безвозмездно передаёт Свято-Введенскому Толгскому монастырю 26 памятников федерального значения вместе с землёй, на которой находится весь комплекс монастыря. Не в аренду, не в пользование, а в собственность(!)

Может быть, кто-то и не увидит в этом ничего особенного — за последние годы мы как-то привыкли к тому, что над вчерашними руинами гордо встают новые, сияющие купола, что храмов всё больше, что Русская Православная церковь возрождается. Но иногда именно привычка мешает заметить самое важное, понять суть происходящего. После беседы с бывшим председателем правительства Ярославской области Владимиром Ковалёвым, принимавшим самое активное участие в работе над подготовкой законного возвращения собственности Толгского монастыря, стало ясно — передача земли и зданий Толгскому монастырю — это событие особенное, знаковое, а если вдуматься — даже историческое. Он многое пояснил...

ПРОСТО, ПО-РОССИЙСКИ

В истории Толгского монастыря, словно закат в капле росы, отразилась и история величия и страданий Русской Православной церкви, и бурная история нашей страны.

Монастырь был основан во имя чудесным образом явленной в диком лесу иконы Божией Матери, которую, по месту свершившегося чуда, и стали называть Толгской. Основанный в 1314 году, монастырь стал одним из крупнейших на Руси и жил одной жизнью со страной. Неоднократно подвергался нападениям иноземных захватчиков (так, поляки в Смутное время его просто сожгли, оставив одни обугленные развалины). Перечислить все испытания, в разные века выпадавшие на долю мирного монастыря, в газетной статье невозможно, но главное — не хронология трудностей. Главное, что монастырь после любой беды вновь возрождался.

В предреволюционное время в нём жили, спасая свои души, до 600 человек. В 1928 году товарищи комиссары монастырь закрыли. Долгое время в уцелевших храмах буйствовала колония для несовершеннолетних. После 60 лет оккупации, в 1988 году, волевым решением правительства доведённые до аварийного состояния храмы были официально переданы Русской Православной церкви. Толгский Свято-Введенский стал первым в СССР монастырём, от данным церкви советской властью.

Впрочем, «отданным» — это громко сказано. Разрушенный, как в «Интернационале» поётся, «до основания», комплекс монастырских зданий был признан памятником истории и культуры, и поэтому юридически остался собственностью государства. Православная церковь получила его «в пользование» и оставалась как бы гостем в собственном доме. Несла хозяйственные функции, соблюдала правила, предписанные законами об охране памят-

ников, и не имела права почти ничем распоряжаться по своему усмотрению. Ей было разрешено только беречь и восстанавливать.

Монастырь за эти годы был практически полностью восстановлен и стал одним из крупнейших в России. Число монахинь и насельниц в нём достигло ста пятидесяти, вместе с рабочими население монастыря составило около 300 человек. Уже и Советского Союза не стало, а «памятник федерального значения» оставался собственностью государства. И игуменья Варвара в феврале 2006 года обратилась к Президенту РФ Владимиру Путину с просьбой вернуть собственность её законному владельцу. Путин наложил на письмо игуменьи положительную визу, министерства, агентства и другие ведомства при-

ступили к работе. И в 2008 году (невольно поразишься загадочному совпадению цифр: 1928-1988-2008), через 80 лет после захвата и поругания, монастырь вновь стал собственностью РПЦ.

Что же знакового и судьбоносного в возвращении собственности её законному владельцу? Попробуем уточнить.

В ЗАКОНЕ НЕТ СТОЛБОВОЙ ДОРОГИ

«В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам», — изрёк один из основоположников марксизма. Изречение это справедливо и сегодня, но не только по отношению к науке, а и к действующим российским законам. В

сегодняшнем законодательстве непросто найти не только «столбовую», а вообще хоть какую-нибудь дорогу. Многие законы не согласуются, а то и взаимоисключают друг друга. Именно поэтому от момента принятия Путиным решения до подписания распоряжения правительства прошло два долгих года напряжённой работы.

Многие плюсы и минусы сложившейся ситуации объясняет беседа с Владимиром Ковалёвым:

— Владимир Александрович, сколько специалистов работали над подготовкой распоряжения правительства № 1045-р?

— Над подготовкой? Скорее, над тем, чтобы оно вообще появилось. Добрый десяток специалистов в Москве и не менее двадцати в Ярославле работали постоянно. Шли судебные процессы, согласования с властями, собраны толстые тома документов, разрешений, постановлений... Мы ведь только в Министерство культуры не менее пяти раз заходили!

Вот какие диалоги происходили не раз, не два, не десять: «Откуда у вас памятник появился? — спрашивают меня. — У вас фундамент числится, а там стоит здание! Вы его через суд зарегистрировали и пишете, что здание XVII века!» А я говорю: «А фундамент — XIV века. Вот, смотрите документы. Здание здесь было, во время советской власти снесли его... Монастырь восстановил по старым фото. Как вы думаете, какого оно века?» Сложный процесс был, одним словом.

— А много объектов передано в собственность монастыря?

— По распоряжению правительства от 21 июля в собственность монастыря переданы 26 объектов федерального значения. Это исторические и культурные памятники XVI — XVII веков, одно упоминание о них украшает самые авторитетные каталоги. Но общее число переданных объектов — 58! Есть строения, оставшиеся после колонии и приспособленные для хозяйственных нужд монастыря. Есть вновь возведённые монастырём на месте разрушенных после 1928 года. После «красного» хозяйствования от многих зданий (и памят-

ников — тоже) остались фундаменты, вне списков, документов. Мы изучали старые гравюры и фотографии. Объект есть, а по закону нигде нет — более десяти там нашлось. Как их регистрировать? Пришлось через суд. Процесс было только в суде Ярославской области.

Несколько объектов принадлежали области. Администрация региона пошла навстречу и передала их, независимо от Правительства РФ. Ряд россов по земле решил муниципалитет Ярославля. Вдуматель — монастырь становится полноправным землевладельцем. Не просто здания, переданные в собственность, а земли, переданные вместе с землёй, на которой они выстроены. Это — абсолютно другое видение роли Русской Православной церкви в жизни нашего общества. И возникает видение после прочтения официального документа результата нашей работы.

Но важнее всего даже то, что собственность возведена, а как именно она передана. Толгский монастырь — единственный, уже принадлежащий РПЦ. Таких монастырей немного, но они есть: например, Свято-Троицкий Сергиевский монастырь (заметьте, лишь часть монастыря в Костромской области). Скорее всего, есть и другие известные мне крупные объекты, принадлежащие Церкви. Но они, как правило, передавались указом президента, волевым решением.

Указ есть указ: помиловать или казнить. Это как подарок сегодня подарили, завтра подарят... А передача всего комплекса Толгского монастыря осуществлялась определённым российскими законами рядком, без указа президента — вот что важно. Это не подарок, а новая практика!

Знаете, я не брошу камня в противников, сопротивляющихся. Это мыслящие люди, которые понимали, что данное распоряжение может повлечь за собой именно практику, кривокающую путь к новым отношениям в обществе. Федеральные чиновники ставили перед нами все вопросы, какие только могли изобрести. А мы

этапно эти вопросы снимали. Люди работали бесплатно. Все, особенно юристы, хотели доказать, что смогут реализовать нашу идею.

Сейчас многие большие чиновники любят говорить: «У нас не хватает законов! Дайте новые законы!» Да не надо законов много сочинять! Надо грамотно исполнять то, что у нас уже есть на сегодняшний день. А есть у нас всё... И тем не менее, чтобы получить это «всё», нужен труд многих специалистов. Переход в другую эпоху лёгким не бывает.

Президент резолюцию наложил, а после этого прошло два года. Министерства, ведомства, агентства — федеральные, субъектов Федерации, муниципальные — провели громадную работу. Трижды было подготовлено к подписанию распоряжение Правительства России. Должен был Зубков подписать — не получилось. Второй раз собрался уже Путин — не получилось. И лишь с третьей попытки Владимир Владимирович Путин подписал. И не из-за того, что раньше не хотел. Он хотел, но дело в том, что массу ведомственных правил и законов очень сложно связать в одну цепочку. А людям, которые занимались передачей Толгского монастыря, это удалось. Технологию передачи любого культурного здания из собственности государства в собственность Церкви — вот что они создали.

В Ярославской епархии по этой схеме могут заниматься подобными вопросами по другим объектам. И, конечно, это — самое важное достижение. Есть макет, наработанная технология, по которой можно передать Церкви Спасо-Яковлевский, Борисоглебский, переславские монастыри. Я не буду говорить о других областях, но для Ярославской наша технология подходит.

Премьер-министр Путин чётко понимал, что именно он подписывает. У него сильная политическая воля, а вот чиновники министерств испытывают опасения — и весьма обоснованные. Распоряжение правительства, которого нам удалось добиться, ещё будет критиковаться, и иначе быть не может. Потому что речь идёт о принципиально новых отношениях Церкви и государства.

В ОДНУ ТЕЛЕГУ ВПРЯЧЬ НЕ МОЖНО...

— Владимир Александрович, а зачем Церкви собственности?

— Собственность — это один из критериев определения взаимоотношений в обществе. Давайте подумаем о взаимоотношениях между важнейшими институтами общества — государством и Церковью. До Петра I государство и Церковь разделены. У этого положения есть глубокие корни и глубокий смысл. В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Церковь должна заниматься душой человека, а государство — материальными вопросами. И при этом им нужно быть равноправными, сопоставимыми величинами.

Когда при Петре I Церковь объединили с государством, произошла подмена духовного светским, которая «аукается» и сегодня. Затем, после 1917 года, Церковь была реформирована под советскую власть, а эта власть считала, что все материальное должно принадлежать государству. И около девяноста процентов храмов, монастырских земельных угодий перешло к государству через национализацию, а то и простым захватом.

Путь, ведущие в жизнь...

этапно эти вопросы снимали. Люди работали бесплатно. Все, особенно юристы, хотели доказать, что смогут реализовать нашу идею.

Сейчас многие большие чиновники любят говорить: «У нас не хватает законов! Дайте новые законы!» Да не надо законов много сочинять! Надо грамотно исполнять то, что у нас уже есть на сегодняшний день. А есть у нас всё... И тем не менее, чтобы получить это «всё», нужен труд многих специалистов. Переход в другую эпоху лёгким не бывает.

Президент резолюцию наложил, а после этого прошло два года. Министерства, ведомства, агентства – федеральные, субъектов Федерации, муниципальные – провели громадную работу. Трижды было подготовлено к подписанию распоряжение Правительства России. Должен был Зубков подписать – не получилось. Второй раз собирался уже Путин – не получилось. И лишь с третьей попытки Владимир Владимирович Путин подписал. И не из-за того, что раньше не хотел. Он хотел, но дело в том, что массу ведомственных правил и законов очень сложно связать в одну цепочку. А людям, которые занимались передачей Толгского монастыря, это удалось. Технологию передачи любого культурного здания из собственности государства в собственность Церкви – вот что они создали.

В Ярославской епархии по этой схеме могут заниматься подобными вопросами по другим объектам. И, конечно, это – самое важное достижение. Есть макет, наработанная технология, по которой можно передать Церкви Спасо-Яковлевский, Борисоглебский, переславские монастыри. Я не буду говорить о других областях, но для Ярославской наша технология подходит.

Премьер-министр Путин чётко понимал, что именно он подписывает. У него сильная политическая воля, а вот чиновники министерств испытывают опасения – и весьма обоснованные. Распоряжение правительства, которого нам удалось добиться, ещё будет обсуждаться, его будут критиковать, и иначе быть не может. Потому что речь идёт о принципиально новых отношениях Церкви и государства.

В ОДНУ ТЕЛЕГУ ВПРЯЧЬ НЕ МОЖНО...

– Владимир Александрович, а зачем Церкви собственность?

– Собственность – это один из критериев определения взаимоотношений в обществе. Давайте подумаем о взаимоотношениях между важнейшими институтами общества – государством и Церковью. До Петра I государство и Церковь разделены. У этого положения есть глубокие корни и глубокий смысл. В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань: Церковь должна заниматься душой человека, а государство – материальными вопросами. И при этом им нужно быть равноправными, сопоставимыми величинами.

Когда при Петре I Церковь объединили с государством, произошла подмена духовного светским, которая «аукается» и сегодня. Затем, после 1917 года, Церковь была реформирована под советскую власть, а эта власть считала, что всё материальное должно принадлежать государству. И около девяноста процентов храмов, монастырей, монастырских земельных угодий перешло к государству через национализацию, а то и простым захватом.

Но сегодня – другое время. Все больше и больше частной собственности, и это – прогресс. Я ни в коем случае не говорю о «командной приватизации» через ваучеры – она была проведена несправедливо. Но мы стремимся к общечеловеческим нормам и стандартам. А один из важнейших стандартов – это отношение к собственности. Потому что собственность – это личность, а личность не может себя проявить, если она во всём, до последней мелочи связана с общественным, если у неё нет ничего своего.

В конце 80-х началась «оттепель», и люди, управляющие страной, стали понимать, что если будет создаваться общество, основанное не на плановой экономике, а на индивидуальных возможностях, то автоматически возникает вопрос собственности.

– Неужели весь смысл государственного строительства и жизни общества – в решении вопросов собственности?

– Есть ещё вопросы духовно-идеологические. Советская

сударству, превратился в руины. За последние 20 лет монастырь почти восстановился. Но более восьмидесяти процентов средств на восстановление дало не государство! Их дали заводы Ярославской области, частные лица. Солдаты воинских частей работали в неурочное время, строители работали бесплатно. Разрушило государство – восстановил народ, а восстановленное до 2008 года принадлежало государству! Нонсенс.

Я не вижу в ситуации никакого пафоса, никакого повода трубить в фанфары, но возвращение зданий и земли Толгского монастыря прежним владельцам – это восстановление справедливости. Владелец монастыря – восстановивший его народ, потому что РПЦ – это в том числе и народ.

– Справедливость – это очень важно, но мы говорили о материальном. Есть ли хозяйственный смысл в передаче собственности монастырям?

– Есть. В Германии католики платят ежегодный налог на нужды Церкви. Протестанты –

ли своё хозяйство, свои земли...

– Да, но тех земель было много! Неужели земля, на которой просто стоит храм, – источник серьёзного дохода?

– Но мы же пробуем шагнуть лишь на первую ступень лестницы, ведущей к нормальному обществу. Во многих, особенно мужских, монастырях сегодня по пять – десять монахов, а недвижимость – громадная. Примеры – те же Спасо-Яковлевский или Борисоглебский. Если все здания Спасо-Яковлевского будут принадлежать монастырю и земля вокруг него будет землёй, а не пляжем города Ростова, развитие возможно. Можно рыбу ловить, как положено, с лицензией. Создать паломнический центр. Получить кредит. Договариваться об инвестициях. Сегодня только собственник имущества может рассчитывать на развитие и активную деятельность, а не ждать милости. Ярославская епархия – одна из самых насыщенных храмами, она уникальна, и поэтому именно у нас максималь-

фото Алены СОЛНЦЕВНОЙ

коммунистическая идея ушла, а кто же будет духовной составляющей нашего общества заниматься? Только Церковь. Умные руководители, даже атеисты, понимают: если они не станут сотрудничать с Церковью, то возникнет гораздо больше проблем везде, вплоть до системы управления.

Церкви начали помогать, но... девяносто процентов культурных объектов по-прежнему принадлежит государству. Церковь с государством разделены, но, в конечном счёте, они должны работать на одну цель. Цель эта – чтобы народ российский лучше жил. Но когда мы говорим, что Церковь должна душой заниматься, традиционным, культурным, российским воспитанием должна Церковь заниматься, и при этом Церковь сидит с кружкой на улице и просит деньги на восстановление того, что государство разрушило – это неправильно.

Известные российские – и не только российские – люди говорят: в России будет нормальное общество, когда возникнет симфония между государством и Церковью. Но может ли быть гармоничной симфония между нищей Церковью и государством, которое разграбило церковное имущество?

Комплекс зданий Толгского монастыря за те 60 лет (1928 – 1988), что он принадлежал го-

тоже. Но я не сторонник «налогов на веру», у нас в России они не приживутся, другой менталитет.

Однако Православная церковь должна быть хотя бы по минимуму материально самодостаточной! Нужно просто передать в собственность Церкви не только культовые, но и хозяйственные здания (как это сделано в Толгском монастыре). Имея имущество, способное приносить доход, Церковь во многом становится независимой.

– Но разве храмы и монастыри не могут существовать только на пожертвования верующих?

– Сегодня храмы и монастыри города Москвы по их возможностям доброго влияния, духовного окормления людей трудно сравнивать с храмами большинства других городов. Разве это из-за того, что там больше православных верующих? Нет, из-за того, что во семьдесят процентов финансовых ресурсов страны сконцентрировано в Москве. Это отражается на всех сторонах жизни и на Церкви – тоже. А у нас, в Ярославле, у Церкви вообще ничего нет – её восстанавливают жертвователи. Как можно воспитывать детей, помогать бедным и больным, совершать богослужения, имея только пожертвования «из кружки» и «доход» от продажи свечей? Исторический у монастырей бы-

ная передача собственности Церкви может иметь реальный экономический эффект.

– А что-то кроме передачи собственности Церкви является, на ваш взгляд, вопросом сегодняшнего дня?

– Для Ярославля – многое. Мы к 1000-летию строим гостиницы – это прекрасно. Но почему мы к 1000-летию не уберём с наших улиц имя главного виновного в убийстве жителей города Ярославля Нахимсона? По его приказу в 1918 году расстреляны тысячи ярославцев, но подавляющее большинство народа об этом не знает, и люди гуляют по улице имени человека, совершившего злодеяние. Почему на чёрной стеле возле Ильинской площади не написано честно, что там похоронены китайские коммунисты, а не «защитники Ярославля»? Мы сумели отказаться от «увековечивания» памяти Емельяна Ярославского, Подбельского – почему Нахимсон и Свердлов до сих пор здесь? Это же позор! Почему стоящий рядом храм Церкви не отдадут? Как мы вообще понимаем праздник 1000-летия? Наверное, это праздник нашей истории, и он мог бы стать временем очищения и покаяния. Это тот же самый вопрос, что и о собственности Толгского монастыря.

Дело не в деньгах. Дело в справедливости.

Евгений АВЕНИР.